

*Н.П. Таньшина**

ДВА ГЕНЕРАЛА ПАТРИСА ГЕНИФЕ

Статья посвящена анализу книги известного французского историка, крупного специалиста по истории Французской революции, Консульства и Первой империи Патриса Генифе «Наполеон и де Голль: два французских героя», вышедшей в издательстве «Perrin» в 2017 г. и удостоенной целого ряда призов. В статье анализируется содержание работы П. Генифе и делается вывод, что это не только книга о главных героях французского Пантеона героев прошлого, но и об исторической памяти как таковой, о ее структуре, о процессах, происходящих в современном обществе, о его взаимоотношениях с прошлым и об историческом образовании. Более того, сочинение П. Генифе – это труд об истории Франции в самом широком понимании, и через своих героев автор реконструирует великие и драматичные страницы национальной истории. В заключении статьи сделан вывод о том, что монография П. Генифе, ставящая вопросы переосмысления обществом своих героев, может быть полезна не только для специалистов по истории Франции, но и для историков, политологов, социологов, размышляющих о судьбах героев отечественной истории.

Ключевые слова: Патрис Генифе, Наполеон Бонапарт, Шарль де Голль, Людовик XIV, историческая память, образ героя, французская историография, Пятая республика, Французская революция, Консульство, Первая империя

Благодарности

Исследование осуществлено по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013 – 2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

** Наталья Петровна Таньшина, доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории Института общественных наук РАНХиГС; ведущий научный сотрудник Лаборатории западноевропейских и средиземноморских исторических исследований исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки МПГУ, nata.tanshina@mail.ru*

Natalia Tanshina, Dr Hab. (History), professor of the Department of General History of the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Leading Researcher of the Laboratory of Western European and Mediterranean Historical Studies at the State academic university for the humanities; professor of Moscow pedagogical state University, nata.tanshina@mail.ru

Цитирование: Таньшина Н.П. Два генерала Патриса Генифе. DOI 10.32608/0235-4349-2020-1-53-414-425 // Французский ежегодник. 2020. Т. 53. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 414-425.

Поступила в редакцию 12.06.2020

Принята к печати 19.06.2020

Natalia Tanshina

TWO GENERALS OF PATRICE GUENIFFEY

The article is devoted to the analysis of the book «Napoleon and de Gaulle: two French heroes» by the famous French historian, a major specialist in the history of the French revolution, the Consulate and the First Empire, Patrice Gueniffey, published by Perrin in 2017 and awarded a number of prizes. The article analyzes the content of the book by P. Gueniffey and concludes that it is not only a book about the main characters of the French Pantheon of heroes of the past, but also about historical memory and its structure, about the processes, taking place in the modern society, its relationship with the past - and about historical education. Moreover, P. Gueniffey's book is about the history of France in the broadest sense. Patrice reconstructs through his characters the great and dramatic pages of national history. It is concluded that the monograph of P. Gueniffey, which raises questions about society's reinterpretation of its heroes, can be useful not only for specialists in the history of France, but also for historians, political scientists, and sociologists, reflecting on the fates of heroes of national history.

Keywords: Patrice Gueniffey, Napoleon Bonaparte, Charles de Gaulle, Louis XIV, historical memory, hero image, French historiography, Fifth Republic, French revolution, Consulate, First Empire

Acknowledgements

Research for this article was funded with the support of project № 14.Z50.31.0045 from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

For citation: Tanshina N.P. (2020). Dva generala Patrisa Genife [Two generals of Patrice Gueniffey] DOI 10.32608/0235-4349-2020-1-53-414-425. *Annual of French Studies 2020*. Vol. 53. Moscow: IVI RAN, 2020. P. 414-425.

Submitted: 12.06.2020

Accepted: 19.06.2020

В 2017 г. в издательстве *Perrin* вышла книга «Наполеон и де Голль: два французских героя», написанная Патрисом Генифе, известным французским исследователем истории Французской революции, Консульства и Первой империи, научным сотрудником Высшей школы социальных исследований (EHESS)¹. Работа сразу же завоевала ряд престижных наград: «Историческая книга года» по версии *Lire*; «Ведущие 25 книг 2017 года» (*Palmarès de 25 livres 2017*) по версии *Le Point*; Приз Монтеня – от *La Revue des Deux Mondes*; Приз «Nouveau Cercle» от *l'Union*.

Несомненно, жанр параллельных или перекрестных биографий весьма популярен в литературе со времен «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха. В настоящее время можно говорить о настоящем ренессансе этого направления. Во Франции издается большое количество парных биографий выдающихся людей, причем далеко не всегда в рамках методологии Плутарха: сравнения оратора с оратором, законодателя с законодателем, военачальника с военачальником. Теперь сравнивают героев, живших в самых разных, порой весьма отдаленных друг от друга эпохах, и не принадлежавших к одной «корпорации».

Объясняя замысел своей книги, П. Генифе подчеркивает, что отнюдь не собирается идти за Плутархом. Но в то же время их подходы сближает принципиальный момент: Плутарх стремился не просто сопоставить жизни Цезаря и Александра Македонского, но, прежде всего, ответить на вопрос о том, в чьей жизни, Цезаря или Александра, наиболее полно воплотилась сущность Великого завоевателя, Великого воина (Р. 17). То есть Плутарх сравнивал своих героев не только по четким критериям, но и по тому, насколько они смогли воплотить в себе некую доминирующую идею. Ведь, если сравнивать буквально, по формальным признакам, то можно прийти до нелепости, что, например, и происходит в случаях сравнительных биографий Наполеона и Гитлера². Такие прямолинейные сравнения, действительно, показывают определенное сходство между ними, но это сходство, считает французская исследовательница Анни Журдан, абсурдно: Наполеон и Гитлер были иностранцами в своих странах; оба небольшого роста; у обоих был холерический темперамент; оба не выносили

¹ *Gueniffey P. Napoléon et de Gaulle. Deux héros français. Paris: Perrin, 2017.* Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи.

² Из последних работ см. *Ribbe C. Le crime de Napoléon. P., 2005 (réimp. 2013).*

противоречий и пытались подчинить себе мир железом и кровью³. Как иронично отмечает Тьерри Ленц, анализируя биографию Наполеона и Гитлера англичанина Десмонда Сьюарда «Наполеон и Гитлер»⁴, автор забыл указать, что еще оба эти человека не любили холод и ненавидели показываться обнаженными!⁵

П. Генифе сравнивает своих героев совсем по иным критериям, главный из которых – их заслуги перед Францией. При этом в книге неизменно присутствует еще и третий герой – Людовик XIV, Король-Солнце. Дело в том, что после смерти де Голля в 1970 г. опросы общественного мнения во Франции дают одинаковый результат: в тройку наиболее известных фигур пантеона национальной памяти неизменно входят Людовик XIV, Наполеон и де Голль (Р. 17). Сейчас де Голль стоит на первом месте, Людовик XIV – на третьем. А вот персонажи, следующие за ними, постоянно меняются. При этом такие исторические деятели, как Верцингеториг, Людовик Святой и Жанна д'Арк из этого списка исчезли, а их место заняли герои современности. Почему такое происходит? – задается вопросом П. Генифе. Он считает, что можно назвать это «болезнью Альцгеймера исторической памяти», когда великие имена уже ни о чем не говорят французам, забывшим своих героев прошлого (Р. 142-143). Автор этих строк недавно лично столкнулась с подтверждением подобному наблюдению на выставке «Париж романтический. 1815-1848 гг.», обнаружив, что посетители с трудом ориентируются в последних французских королях. Казалось бы, Людовик XVIII и Карл X – люди не столь отдаленной эпохи, но для обывателей – не ближе дю Геклена и Верцингеторига. По мнению П. Генифе, объяснение этого феномена надо искать в нынешнем состоянии социума, причем не только французского. Прошлое не важно для общества, столь занятого настоящим, как наше, не интересующегося ни прошлым, ни будущим. А интерес к будущему – это единственное, что дает ценность прошлому. Если люди и интересуются прошлым, то лишь в контексте «микрo-истории», истории семьи. История, как пишет Генифе, стала «памятью», ассоциируется с родовым гнездом, родовым наследием, *patrimoine* (Р. 143). То есть в какой-то степени, на мой взгляд, ситуация сходна с той, что была в раздробленных итальянских зем-

³ Jourdan A. Mythes et légendes de Napoleon. P., 2004. P. 12.

⁴ Seward D. Napoleon and Hitler: a comparative biography. London, 1988. (русское изд.: Сьюард Д. Наполеон и Гитлер. Смоленск, 1995).

⁵ Lentz T. Napoléon et la France. P., 2015. P. 199.

лях эпохи Возрождения, когда история и патриотизм были чисто местными, локальными, связанными с городскими традициями, святыми и праздниками. Поэтому П. Генифе говорит о «реальном ослаблении содержания национальной памяти».

То же самое происходит с историческими героями и в целом с феноменом «великих людей». П. Генифе склонен полагать, что современное общество, живущее только настоящим, не имеет потребности в великих людях. Иллюзия постоянного настоящего неблагоприятна для великих людей: в нем они теряют свое амплуа. В обществе массовой культуры, усредненности, или, как говорит Генифе, обществе эгалитарном, трудно сформироваться идее величия и идее исключительности, поскольку все продается и все покупается, а под небом равенства нет больше ни высших, ни низших. По мнению П. Генифе, выстраивать в один ряд, даже строго по ранжиру, настоящих героев, таких как Шарль де Голль, и звезд шоу-бизнеса или спорта – это значит принижать «великих исторических людей», по определению Гегеля. Но все-таки демократия не может обойтись без героев, хотя и предпочитает героев своих, достижимых для нее, или же антигероев (Р. 144-145).

То есть книга Патриса Генифе не только о Наполеоне и де Голле, она об исторической памяти как таковой, о ее структуре, о процессах, происходящих в современном обществе, о его взаимоотношениях с прошлым и об историческом образовании. Более того, это книга об истории Франции в самом широком понимании, и через своих героев П. Генифе реконструирует великие и драматичные страницы ее истории.

В самом начале книги П. Генифе вспоминает слова графа Изидора де Лотреамона, ставшие девизом французских сюрреалистов о том, что красота – это встреча зонтика и пишущей машинки на анатомическом столе. Если обратиться к сопоставлению Наполеона и де Голля, то, отмечает П. Генифе, на первый взгляд они могут показаться столь же различными, как пишущая машинка и зонтик. Больше века разделяет их. Де Голль вступил в историю в том возрасте, когда Наполеон ее покинул, он был великим государственным деятелем, но никогда не был великим военным и не любил войну; он не стремился к мировому господству и был весьма религиозен (Р. 18)⁶.

⁶ О сходстве и различиях между Наполеоном и де Голлем писали исследователи, занимающиеся изучением наполеоновской легенды и исторической памятью о Наполеоне, см., например: Kern E. Napoléon. Deux cents ans de légende. Histoire de la mémoire du Premier Empire. P., 2016; Hazareesingh S. La légende de Napoléon. P., 2008.

Но и де Голля, и Наполеона, и незабвенного Короля-Солнце (а он всегда присутствует в авторских рассуждениях) сближают не случайные биографические совпадения или параллельный ход их истории, а то, что они смогли реализовать идею величия Франции и персонифицировали ее. Именно через эту оптику величия Франции Генифе и анализирует своих героев.

Их сближали внутривластные достижения. Они положили конец усобицам, восстановили государство и единство страны, вернули (или навязали) общественное согласие, предотвратив открытую или неявную гражданскую войну. Людовик XIV положил конец Фронде, установив абсолютизм, Наполеон положил конец Французской революции «диктатурой» Консульства, тогда как благодаря де Голлю Франция оказалась в лагере победителей в 1944 г., а в 1958 г. страна впервые с 1789 г., благодаря генералу, обрела прочные и стабильные институты. На внешнеполитической арене все они, Людовик XIV, Наполеон и де Голль, прославляли имя Франции и воплощали ее цивилизаторскую миссию (Р. 18).

П. Генифе не идеализирует своих героев, отмечая, что национальная память хранит и «изнанку» их правления, но для исследователя их достижения перевешивают ошибки перед судом истории. Да, Людовик XIV отменил Нантский эдикт и преследовал янсенистов, но он остался в истории прежде всего как строитель Версаля, ставшего символом французской культуры, тогда ассоциировавшейся с цивилизацией. Наполеон, без сомнения, оставил Францию после своего поражения в меньших размерах, чем ее нашел (здесь Генифе цитирует де Голля⁷), но никогда, может быть, Франция не имела такого влияния в мире, и так не доминировала над остальной Европой, как при Наполеоне. Де Голль, отмечает Патрис Генифе, конечно, проявил непростительную жестокость в алжирском вопросе, но он дважды возвращал Франции ее достоинство и вытаскивал из, казалось бы, безвыходной ситуации (Р. 18).

То есть, по словам П. Генифе, «минусы», эксцессы их правлений не столь важны. Почему? Потому что под руководством этих лидеров Франция стала великой, и это их выделяет, делая достойными восхищения.

⁷ В знаменитой беседе с Андре Мальро уже после своей отставки де Голль сказал о Наполеоне так: «Он оставил Францию меньшей, чем он ее нашел, это так... Но это как с Версалем: его надо было создавать. Нельзя торговать величию». — *Malraux A. Les chiens qu'on abat*. P., 1971. P. 102.

При этом, подчеркивает П. Генифе, величие не является их единственным достоинством. Наполеон и де Голль воплощают собой людей Провидения, силой своей воли вырвавших страну из трясины, в которой она погрязла. Оба они нашли выход в тот самый момент, когда никто другой его не видел. Оба смогли примирить непримиримые партии, склонив их к совместному существованию. Оба на руинах, оставленных серией политических поражений, создали новую Францию, оставив после себя значительное наследие: администрацию и гражданские законы в случае с Наполеоном, политические институты в случае с де Голлем (Р. 19). Кстати, буквально этими самыми словами в XIX в. о заслугах Наполеона сказал Франсуа Гизо, который никак не был его сторонником⁸.

Наполеон и де Голль вернули Франции веру в ее собственные силы и уважение к стране за ее пределами, а в случае с Наполеоном к восхищению и уважению примешивался также страх. Оба олицетворяли государство, соединив авторитет власти с ее эффективностью, а также концентрированную волю, принесенную на службу общему благу. Еще в эпоху Просвещения философы мечтали повенчать сильную монархию и просвещенную политику. Эти мечты не осуществились: ни Людовик XV, ни его внук Людовик XVI не имели ни воли, ни силы, ни способности выполнить эту миссию. Бонапарт в годы Консульства и де Голль в самом начале Пятой республики, по мнению П. Генифе, смогли воплотить в жизнь эти заветные чаяния и создать власть, способную преодолеть разделение противоборствующих сил и поставить их и саму себя на службу общественным интересам (Р. 19).

При этом, подчеркивает П. Генифе, и Наполеон, и де Голль, как, впрочем, и Людовик XIV, являются самыми неоднозначными героями французской истории. Ими восхищаются – да, но их не любят, даже де Голля. Как пишет автор книги, даже вызываемая ими ненависть, по меньшей мере, равноценна восхищению ими. И он задается вопросом: являются ли они любимыми французскими героями? – Именно так называется третья глава работы. Если да, то, по мнению П. Генифе, «любимыми» – в смысле «предпочитаемыми», поскольку остальные забыты вовсе (Р. 145). Кроме

⁸ Гизо писал: «В кризисные моменты своей истории народы не могут обойтись без великого человека... Когда он пришел... Франция признала в нем того, кого она ждала. Он шел вперед, она следовала за ним». *Guizot F. Trois générations. 1789–1814–1848. P., 1863. P. 56-57.*

того, замечу от себя, надо учитывать разницу между отношением французов как таковых и официальным отношением французских властей. Если народ превратил Наполеона Бонапарта в одного из своих любимейших героев (хотя и отношение французов к Наполеону далеко не однородно), то для властей Наполеон – персонаж неудобный, неполиткорректный, и потому официальная элита стремится дистанцироваться от создателя Первой империи.

Итак, сочинение Патриса Генифе – это не сравнительное жизнеописание героев, в котором между ними проводятся параллели по определенным критериям: годы формирования, военное время, опыт власти, горести последних лет – плена для одного, «внутренней ссылки» для другого. Такое сопоставление, по словам историка, не только не изящно, если следовать за Лотреамоном, но и малоэффективно. П. Генифе предпочитает строить свои размышления вокруг ряда более сложных тем: искусство возвращения к власти, отношение к истории и к Франции, опыт власти, война и централизация управления, смерть как способ понять, почему великие люди занимают свое место в истории. И, через своих героев и ответы на эти вопросы П. Генифе размышляет о судьбе Франции как таковой. Перед читателем – огромное количество сюжетов, персонажей, героев прошлого и настоящего, включая современных политиков. При этом у П. Генифе, специалиста по Французской революции и наполеоновской эпохе, книга получилась сбалапансированная, и Наполеон не доминирует над де Голлем.

Подобный подход определил и структуру книги, состоящей из введения, пяти глав, примечаний и очень внушительного списка цитируемых работ. Объем рецензии не позволяет подробно проанализировать содержание книги, поэтому лишь кратко пройду по ее главам.

Первая глава называется «Перекрестные возвращения». Наполеон и генерал де Голль были главными действующими лицами очень разных историй. Один вновь завоевал власть – на «Сто дней» – после того, как ранее ее потерял, другой вернулся к ней после того, как сам ее добровольно оставил. Однако в обоих случаях история повторилась. Не то, чтобы повторились периоды с 1799 по 1815 и с 1944 по 1958 гг., но по некоторым параметрам, по мнению П. Генифе, 1944-й год отсылает к 1799-му, тогда как 1958-й не имеет аналогий с 1815-м (Р. 29). При этом если события 18 брюмера, считает П. Генифе, едва ли можно именовать государ-

ственным переворотом, скорее – переходом власти из одних рук в другие, то в 1815 г. Наполеон совершил настоящий государственный переворот. Разница между 1815-м и 1799-м годами заключалась, по мнению историка, в том, что если в 1799 г. Франция нуждалась в Бонапарте, то в 1815 г. этого уже не было (Р. 36-40).

А что же возвращение де Голля? По словам Патриса Генифе, было бы некорректным сравнивать 1815 г. с возвращением генерала де Голля к власти в 1958 г. Если Ватерлоо изменило судьбу Европы, то независимость Алжира, по мнению Генифе, не имела столь значительных последствий. Тут Генифе, идет вслед за Виктором Гюго, утверждавшим, что Ватерлоо изменило судьбу мира и что без Ватерлоо мог бы быть другой XIX в. Что же касается Алжира, то он был уже для Франции потерян, а европейский колониализм агонизировал, когда произошел финальный кризис Четвертой республики. В данном отношении, по мнению Патриса Генифе, история бы не сильно изменилась, если бы в мае 1958 г. генерал де Голль остался в Коломбе-ле-Дез-Эглиз (Р. 43).

Вторая глава называется «Место великих людей». Речь идет о месте де Голля и Наполеона в национальной памяти и в пространстве политической культуры и образования, а также о феномене великого человека как такового и о роли спасителя в истории Франции. В свое время еще Жан Тюлар писал о постоянном присутствии архетипа спасителя в истории Франции⁹. Патрис Генифе также считает, что, в отличие от Англии, Франция всегда нуждалась в спасителе.

Третья глава книги, как уже отмечалось, носит название «Лучшие среди нас?», именно так, с вопросительным знаком. Как и многие другие авторы, пишущие о Наполеоне, П. Генифе подчеркивает, что однозначного восприятия этой исторической фигуры не существует, а споры и дискуссии, даже околонучные, а то и совсем ненаучные, только подогревают интерес к ней и вызывают всё новые страсти¹⁰. А пока это происходит, Наполеон не умрет, – заключает автор. Этого же нельзя сказать о Людовике XIV и Шарле де Голле, соседях Наполеона по пьедесталу почета. Оба

⁹ По словам Ж. Тюлара, «Наполеон проторил дорогу Кавеньяку, Луи Наполеону Бонапарту, Тьеру, Петену и де Голлю <...> Наполеон – прообраз “спасителей”, которыми, как веками, отмечена история Франции XIX–XX веков». – *Тюлар Ж. Наполеон, или миф о «спасителе»*. М., 2012. С. 350.

¹⁰ Из последних отечественных работ см.: *Таньшина Н.П. Наполеон Бонапарт: между историей и легендой*. СПб., 2020.

они принадлежат истории. Людовик XIV – это Версаль и Трианон, музыка Люлли и театр Мольера, язык Расина и Буало, сады Ленотра, архитектура внутреннего дворика Инвалидов и крепости Вобана. Однако «черная легенда» о Людовике, отмечает Генифе, была жива еще в середине XX века, и понадобилось почти три столетия, чтобы история Короля-Солнце прошла путь от мифологии к истории. И, напротив, двадцати лет оказалось достаточно для того, чтобы де Голль сделал обратный путь, от истории к мифологии. П. Генифе приводит слова Пьер Нора, который в «Местах памяти» назвал де Голля так: «Великий Шарль, наш национальный Астерикс и наша Эйфелева башня» (Р. 155-157). То есть, исключая алжирскую драму, по мнению Патриса Генифе, страсти улеглись и относительно де Голля.

Четвертая глава именуется «Перо и шпага». По словам П. Генифе, для де Голля Наполеон был прежде всего солдатом. Он редко когда демонстрировал интерес к Наполеону как государственному деятелю и к его политике. По словам Генифе, таков был дух времени, а две мировые войны еще не убили магию сражений. У де Голля такой взгляд на Наполеона остался еще со времен обучения в военной школе Сен-Сир – там изучали его военное искусство, а не законодательство (Р. 206).

Что касается «пера», то если Наполеон для П. Генифе – это аутентичный и самобытный автор, не любивший писателей, кроме восторженных прозаиков, то де Голль – это литератор посредственный, но трудолюбивый, и тоже не любивший писателей, поскольку понимал, что сам не может достичь таких высот. При этом, по мнению Генифе, существует разница между величием классической прозы Шарля де Голля и возвышенностью наполеоновской прозы, воспаляющей воображение (а без Наполеона, добавлю от себя, не было бы целого поколения писателей и поэтов-романтиков!). Но каковы бы ни были ошибки и достижения каждого, никогда то, что они писали, не затмит того, что они сделали и кем они были (Р. 292-294).

Заключительная глава называется «Кладбище героев». Здесь речь идет о Пантеоне национальной памяти как в прямом, так и в переносном смысле. В прямом, потому что именно Наполеон создал Пантеон: в феврале 1806 г. он подписал инструкции о создании усыпальницы великих людей. Что касается последней воли великих людей, то желание Наполеона было исполнено спустя 19 лет

после его смерти: «Я хочу, чтобы мой прах покоился на берегах Сены». 15 декабря 1840 г. при короле Луи-Филиппе его останки были торжественно похоронены в Соборе Инвалидов, а в 1861 г. при императоре Луи-Наполеоне там же установлен саркофаг его великого дяди.

Де Голль, отмечает Генифе, не выбирал место, где хотел покоиться после смерти: он жил в Коломбе-ле-Дез-Эглиз после отставки, и там же был похоронен. Но его последняя воля – не организовывать пышные государственные похороны, не была исполнена буквально: траурная месса в Нотр-Дам прошла в присутствии лидеров государств, приехавших со всех концов света. По словам П. Генифе, то, что столько высокопоставленных политиков бросили свои дела и приехали в Париж, свидетельствовало не только об ауре самого генерала, но и об ауре Франции. При этом, подчеркивает автор, не так важна реальная мощь Франции. Ее влияние заключается прежде всего в ее истории и универсализме ее культуры, а не в жизнеспособности ее экономики и военной силе (Р. 234).

Как видим, книга завершается рассуждением о Франции и ее величии, пусть даже и быллом. А заключения как такового в работе Патриса Генифе нет. Может, это и символично. Ведь у каждого свой де Голль и свой Наполеон. И автор не разубеждает читателя, не заставляет его поверить в то, что Наполеон и де Голль были именно такими. Это как у Германа Гессе в «Степном волке» – у каждого свой Гёте. А это значит, что тема – бесконечна. Но нет сомнения в том, что эти люди стояли у истоков современной Франции, содействовали ее национальному величию и славе. Да, они совершали ошибки. Но, как говорил сам де Голль после отставки, у великих людей и ошибки большие¹¹. Но на чаше весов истории их заслуги перед Францией, безусловно, перевешивают.

Новая книга Патриса Генифе, таким образом, ставит сложнейшие вопросы переосмысления обществом своих героев, а потому может быть полезна не только специалистам по истории Франции, но и всем, кто размышляет о судьбах героев национальной истории своей страны.

¹¹ Что касается ошибок Наполеона, то де Голль полагал, что все великие люди их допускают. По его мнению, большая ошибка Наполеона заключалась в том, что «он не смог выбрать между генералиссимусом и императором». В любом случае, де Голль полагал, что Наполеон продолжал оставаться символом славы Франции во всем мире, а его ошибки и поражения не вредили его посмертному величию. – *Kern E. Op. cit. P. 93.*

REFERENCES

- Сьюард Д.* Наполеон и Гитлер. Смоленск, 1995. [S'yard D. Napoleon i Gitler. Smolensk: Rusich, 1995].
- Таньшина Н.П.* Наполеон Бонапарт: между историей и легендой. СПб., 2020. [Tan'shina N.P. Napoleon Bonapart: mezhdu istoriej i legendoj. SPb.: Evraziya, 2020].
- Тюлар Ж.* Наполеон, или миф о «спасителе». М., 2012. [Tyular Zh. Napoleon, ili mif o «spasitele». M.: Molodaya gvardiya, 2012].
- Gueniffey P.* Napoléon et de Gaulle. Deux héros français. Paris: Perrin, 2017.
- Ribbe C.* Le crime de Napoléon. Paris: Éditions Privé, 2005 (réimp. P: Cherche Midi, 2013).
- Jourdan A.* Mythes et légendes de Napoleon. Paris: Éditions Privé, 2004.
- Seward D.* Napoleon and Hitler: a comparative biography. London Brassey's Defence Publishers, 1988.
- Lentz T.* Napoléon et la France. Paris: Vendémiaire, 2015.
- Kern E.* Napoléon. Deux cents ans de légende. Histoire de la mémoire du Premier Empire. Paris: Éditions SOTECA, 2016.
- Hazareesingh S.* La légende de Napoléon. Paris: Seuil, 2008.
- Malraux A.* Les chenes qu'on abat. Paris: Gallimard, 1971.
- Guizot F.* Trois générations. 1789–1814–1848. Paris: M. Lévy, 1863.